

A close-up, high-contrast photograph of a woman's face in profile, looking upwards. Her right eye is replaced by a complex, metallic, and glowing mechanical device. Her lips are painted a vibrant red. The background is dark and heavily textured, resembling a weathered metal surface with numerous small holes and pits. The lighting is dramatic, highlighting the contours of her face and the metallic details of the eye device.

18+

ДЕЖАВЮ

Яна Пари

Яна Лари

Дежавю

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Лари Я.

Дежавю / Я. Лари — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Первая любовь... Кому-то она дарит крылья, в ком-то прорастает злобой и ненавистью. Для замкнутой и мечтательной Насти первая любовь стала испытанием. Как быть, когда родители лишили возможности видеться с любимым, а эгоистичный сыночек друга семьи грозит превратить жизнь в сущий ад? Выдержит ли это хрупкое чувство испытание бесконечной тоской и десятками непрочитанных писем? Тем более, что у вселенной на этот счёт свои планы и пойти против них, значит потерять всё. Можно ли что-то исправить, когда сама Смерть протянула свои щупальца?

© Лари Я., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Город лениво утопал в благоухании цветущих акаций. Ненавязчивый, лёгкий аромат моей тоски по месту, которое я называю домом. Три безумных года, прошедших вдали от этого небольшого и сонного края, стирались с каждым моим новым вдохом. Здесь ничего не изменилось, всё те же узкие, утопающие в зелени улочки. Всё та же извилистая, своевольная река Днестр – место, куда я вернулась, чтобы оплакать свою первую любовь.

На набережной этим будним вечером непривычно пусто. Возможно, виною тому поднявшийся ветер. Он порывисто дрожал в раскидистых кронах, разлетаясь гнетущим шелестом по округе. Поёжившись, я стала спускаться по полуразрушенным ступенькам к берегу реки. Удивительно, почему я раньше не обращала внимания на разбросанный повсюду мусор? Раньше... Горькая улыбка скривила мои губы. Тогда всё было иначе! Разве могла соперничать местная разруха с детской беззаботностью? Вот только детство, увы, осталось там, в моём потрёпанном блокноте. Оттуда оно застенчиво усмехается, старательно выведенными губами Кирилла. Моего Кирилла...

Резкий плеск воды прервал мои размышления. Туман рваными клочьями тянулся от реки и мрачным саваном ложился на землю. Из-за него, мне было сложно разглядеть, что же спугнуло взметнувшуюся стайку диких уток. Опять наступила тишина. Темнело. Расплывчатые тени скользили в пропитанной сыростью белесой дымке, ускоряя мой, и без того лихорадочный, пульс. Неприятно запахло прелой землёй и тиной. Некоторое время я напряжённо моргала, всматриваясь в сторону качающейся ивы. От сгорбленного ствола отделилась неясная фигура. Она двигалась в мою сторону рваной, механической походкой. Неторопливые движения сопровождалось неприятным хлопаньем. Будто от шагов по залитым водой плитам.

Шлёп... Шлёп...

Силуэт неожиданно замер, словно почувствовав чужое присутствие. Я вздрогнула и медленно попятилась назад. Левая нога скользнула по влажной от росы траве, и, потеряв равновесие, я упала плашмя. Ужас мигом сковал моё тело, а за одно и лишил способности кричать. Бывало, я раньше задавалась вопросом: «Почему люди в фильмах, когда на них на всей скорости несется поезд или ещё что-то в этом роде, не убегают, а застывают на месте?», теперь мне известен ответ – их парализует собственный страх. Несмотря на явную хромоту незнакомца, расстояние между нами стало стремительно сокращаться. Теперь он был всего в паре шагов от меня. Высокий, одетый в бесформенную толстовку парень, с низко опущенным на лицо капюшоном. Слегка наклонив голову, он исподлобья разглядывал свою добычу.

В голове панически забилась единственная здравая, на тот момент, мысль – развернуться поскорее и бежать! Вот только ноги от страха точно в землю вросли. Со стороны неизвестного послышалось нечто отдаленно похожее на смех. Приглушённый и kloкочущий, будто изо рта сейчас польётся вода.

– А я уже совсем заждался. Я столько ждал... – он медленно поднимал голову – На-а-астенька. Девочка моя...

– Ты?! Но как?! – мой голос вмиг осип от ужаса, мозг упорно отказывался верить в реальность увиденного. – Это какое-то безумие! Этого просто не может быть! Не может...

С тупой болью в сердце, я уставилась на юношу. На эти, такие родные черты лица. Прямой нос, серые, как небо перед грозой глаза, небольшой тонкий шрам на верхней губе, ставший началом нашей детской дружбы. Вот только улыбка теперь стала иной, она превратилась в оскал. Злобный и жестокий. С тоненькой струйкой воды, что непрерывно стекала с уголка рта. Сердце пропустило удар.

– Беги, На-а-астенька...

Опять этот лающий смех! Он, наверное, и послужил толчком, вырвав меня из ступора, ибо в следующую секунду я уже неслась вверх по ступенькам. Перед глазами всё начало расплываться от выступивших слёз. В голове болью пульсировала лишь одна мысль – что он такое?! Кирилл, мой солнечный мальчик! Только не он! Он ведь остался там, в моём прошлом.

В память о нем сохранились лишь старые наброски, да табличка с именем на скромном надгробии.

Я бежала без оглядки, даже не останавливаясь, чтобы перевести дыхание. Сейчас, как никогда,годились годы утренних пробежек. Меня подгоняло предчувствие неотвратимой расправы и звук тяжёлых шагов за спиной. Наконец, вдали замаячили очертания бабушкиного дома.

Быстрый взгляд через плечо так и не прояснил, насколько я оторвалась от своего преследователя. Поэтому, резко распахнув ворота и буквально подлетев к входу в дом, начала неистово колотить в тяжелую, стальную дверь. Дрожащими пальцами вдавливала кнопку дверного звонка. Ничего. Тишина.

Учащённо дыша, стёрла со лба холодный пот.

– Ну же,пусти меня!

А в ответ ни звука. Память услужливо подсказала, что бабушка собиралась провести свою приболевшую коллегу, Владимировну. Чёрт!

Шлёп...

Шлёп... – неумолимо разносило эхо.

Тихонько взыв от накатившей паники, за пластиковыми поддонами с цветами, я непослушной рукой нашарила ключи. Прокрутила их в замочной скважине. Уже в прихожей, прижавшись спиной к входной двери, мне наконец-то удалось отдышаться. Ремешок от левой босоножки оторвался и теперь бесполезной змейкой путался в ногах. Скинула обувь. Следом стянула резинку, что держала мои густые, темно-русые волосы. В ушах эхом отдавалось громкое, беспорядочное сердцебиение.

А потом пространство заполнил тихий, глумливый голос:

– Раз, два, три, четыре, пять!

Я опять

Иду искать!

Волосы на моём затылке встали дыбом. Он добрался до меня! Он стоит прямо у двери! Хотя является ли это существо Кириллом? Много ли осталось в нём от некогда доброжелательного и улыбчивого парня?

Из соседней комнаты раздался звон бьющегося стекла. Окно! Оно оставалось открытым. Я стрелой вбежала в гостиную. В оконном проёме, на фоне полыхающего закатным пламенем горизонта, сиротливо колыхалась прозрачная тюль. Преследователь, скорее всего, уже внутри, а значит надо выбираться отсюда! Кинулась к окну и вскрикнула от внезапной, острой боли. Весь пол был усыпан поблескивающими осколками стекла.

– Тебе стра-а-ашно... – глухой шёпот раздался совсем рядом. От ближнего угла неспешно отделилась тень, оставляя за собой небольшие лужицы на ламинате. Она, пошатываясь, надвигалась на меня. Грозно и неотвратимо. В этот момент, ведомое инстинктами, моё тело дёрнулось в сторону широкой лестницы на второй этаж. От охватившего слепого ужаса, мозг начал хуже соображать. Главное выбраться из этой комнаты. Выбраться любой ценой!

– На-а-астенька... Моя... – Крепкие, ледяные руки обхватили меня. Сколько бессонных ночей я тосковала по ним! А теперь лишь судорожно молочу кулаками по груди того, кто раньше был смыслом моей жизни.

– Господи, За что?! – собственный громкий крик стал неожиданностью даже для меня.

Я визжала до хрипа, пока не кончились силы. А затем просто тихонько заскулила, уткнувшись лицом в мокрую, серую толстовку Кирилла. Мои слезы смешивались с затхлой водой, которая стекала с длинных до подбородка, светлых прядей парня. Какими мягкими они были когда-то...

Мы так и стояли, оба босые, в зловонной луже смешанной с моей кровью.

– Поцелуй меня, родна-а-ая, – его голос сочился приторной нежностью, – я так долго этого ждал...

Я посмотрела на Кирилла снизу вверх. Бархатный тон его голоса никак не вязался с торжествующей, насмешливой ухмылкой. А глаза – в их пустоте поселилось безумие! Он отрывисто склонился и в следующую секунду прижался к моим губам. Грубо. Напористо. Мой рот заполнился тухлым привкусом гнили, тины и ещё чем-то склизким. Липкий страх что пожирал меня изнутри, сменился отвращением.

Отшатнувшись, я метнулась на второй этаж, в ванную. Меня надсадно стошнило прямо в раковину. Хорошо хоть успела запереть дверь изнутри. Если это, конечно, может спасти. Совершенно не чувствуя ног, моё тело сломанной куклой, медленно сползло на пол.

– Раз – два – три – четыре – пять... – шаркающие шаги направлялись к лестнице.

Казалось, ещё немного и безумие поглотит меня. Сбежать? – Невозможно. Открыть дверь и спросить, что ему от меня надо? – Самоубийство. Покаяться в том, что эти три самых сложных года его жизни, меня не было рядом? – Теперь уже не имеет смысла.

Надо, надо, надо спать

Шесть – семь – восемь – девять – десять,

И не надо куролесить.

Кто не спит, тот выйдет

Вон...

Он уже поднимается по ступенькам. Может Кирилл обвиняет меня в том, что с ним случилось? Что не спасла?

Кто уснул, увидит

Сон.

Безумный, отрывистый смех. Прямо за дверью. Я раскачиваюсь из стороны в сторону, обхватив руками колени. Что с нами стало? Когда это началось?

***

7 лет назад

– Знакомьтесь, дети, – Юрий Константинович, мой новый классный руководитель, тепло улыбаясь, представил меня будущим одноклассникам. – Шилова Анастасия. С сегодняшнего дня, она будет учиться в нашем классе.

Передо мной растянулись три ряда узких, железных парт. Три ряда изучающих, настороженных глаз. Я нервно сжала, ставшие потными руки в кулачки и прошла к свободному месту в крайнем, правом ряду.

Юрий Константинович, поблескивая толстыми линзами очков в металлической оправе, продолжал что-то говорить, но его слова терялись в плотном коконе моих детских страхов. К своим 11 годам, мне так и не довелось завести хороших друзей в старой школе. Застенчивая и робкая, шумным играм я предпочитала добровольное уединение. Другое дело занятия в художественной школе. Там мой мир преображался. Кисть и краски стали мне верными товарищами, безмолвными проводниками в волшебный мир, где всё возможно. Жаль только моё желание сохранить эту частичку волшебства, на наш с мамой переезд никак не повлияло. Чего уж говорить, уезжали мы в спешке и, как мне было сказано, навсегда. Свои вещи я собирала под звуки маминых громких упрёков из соседней комнаты, которые заглушали неуклюжие оправдания моего отца. Таким образом, уже на следующий день, столичная суэта осталась далеко позади. Нас приютил зелёный провинциальный городок, где, рядом с древней крепостью, в просторном двухэтажном доме жила моя бабушка. Вот так я оказалась в этом классе. Через пару недель, ребята привыкнут к присутствию новенькой. Тощая девочка, с веснушками на бледном лице снова станет невидимкой. Скорее бы.

***

– Пока, Настенька! – светловолосая девчушка в голубенькой кофте, энергично помахала мне рукой.

– Увидимся в понедельник! – подперев голову кулачком, я сидела на деревянной скамейке и улыбалась Соньке. Мы уже месяц ходим в местную художку. Долгие часы, проведённые за соседними мольбертами, немного нас сблизили. Если конечно можно так назвать дежурный обмен любезностями.

Ещё утром, мама предупредила, что задержится на работе, а это значит, можно никуда не торопиться. Обустройство её нового салона красоты шло полным ходом. Благо папины попытки загладить свою вину, хотя бы материально, активно этому способствовали.

Хмыкнув, я поднялась и направилась в сторону набережной. Этот небольшой городок тянулся вдоль широкой реки под названием Днестр, что с древнеиранского языка переводится как «пограничная река» (как мне поведала всезнающая бабушка), в средние века вдоль Днестра пролегал торговый путь из Львова в Крым и Турцию. Его зелёные берега так и манили меня своим первозданным видом. Сразу захотелось сделать пару набросков, так что, долго не раздумывая, я вприпрыжку миновала ступеньки и бежала к воде. Бежала навстречу к игравшим в ней солнечным бликам. А быть может к... Судьбе?

– Держи его, убежит, гад! – группа из троих мальчиков постарше возились с чем-то у самого края реки.

– Давай я! – раздался взрыв издевательского смеха – Шустрый чёрт!

– Царапается, зараза!

Любопытство перебороло мою природную стеснительность и, на трясущихся ногах, я приблизилась к этой шумной компании. Обычные ребята, такие бегают в моём дворе и в школе. Они, согнувшись, собрались у воды. Никто особо не двигался, кого тогда они ловят? Я решила сделать ещё пару шагов, и пригляделась. Увиденное заставило моё сердце ухнуть вниз. Один из мальчиков сжимал в руках крохотного, дрожащего котенка и как раз опускал его в воду. Несчастный беспорядочно ударял лапками по воде, в отчаянном желании спастись.

– Стойте! – ничего не соображая от ярости, я толкнула паренька. – Оставьте его! Не надо.

Повисла мёртвая тишина. Ребята смотрели на меня недоверчиво, как на пришельца с далёкой галактики. Прошло пару мучительных секунд, а мы продолжали растерянно переглядываться. Затем, тот, что держал котёнка, (видимо главный заводила) отбросил беспомощное животное в сторону. Не сводя с меня прищуренных глаз, он нахально засмеялся. У мальчика были крупные, как у зайца передние зубы и большие оттопыренные уши. Внешне он совсем не казался таким жестоким, скорее наоборот, добрым и смешным. Вслед за ним, вся компания разразилась диким хохотом. Смех, подобный этому я уже слышала раньше. Когда, в прошлом

году, ходила с родителями в зоопарк. Там гиены издавали похожие звуки. Громкие и хищные. По спине, ледяной змейкой пополз холодок.

– Мелкая, а ты хочешь на его место? – насмешливо спросил ушастый, и бесцеремонно толкнул меня в плечо. – Тебе больше всех надо, что ли?

Не удержав равновесия и неуклюже выставив вперёд руки, я приземлилась коленками на острые камни. От унижения выступили слёзы. Кожа на ладонях саднила от удара. Наверняка завтра от боли не смогу даже ручку держать. Во рту резко пересохло, я сглотнула и перевела взгляд на обидчика. Тот уставился на меня, напряженно нахмутив рыжеватые брови. Думает, как со мной поступить, холодной дрожью пронзила внезапная догадка. Решившись, мальчик склонился надо мной. На губах заиграла мерзкая усмешка.

– Эй, вы чего творите? – к нам быстрым шагом приближался какой-то щуплый паренёк. Тотчас накатил волна судорожного облегчения. Может они испугаются свидетелей и отстанут? Главарь тем временем не растерялся, быстро оценив численный перевес в свою пользу, дерзко встал напротив подошедшего. Ещё шаг, и вот уже мой горемычный спаситель, согнувшись в три погибели от удара под дых, со сдавленным хрипом, ловит ртом воздух.

– Тоже мне, герой нашелся! – Истерический гогот наших мучителей сотряс воздух.

Переборов очередной приступ паники, я резво рванула к лежащему. Ему нужна была помощь! Мне наперерез кинулся самый высокий член этой шайки. Он так резко сгрёб меня в охапку, что из груди мигом вышибло весь воздух. Моя попытка закричать обернулась накрытым липкой ладонью ртом. Я тщётно брыкалась, с трудом борясь с накаत्याющим удушьем. Хватка не ослабевала.

Я зажмурилась, мечтая проснуться, но чуда не произошло. Эти места взрослые отчего-то не особо жаловали. Обычно всё оживление приходилось на ухоженный, обустроенный террасами берег, выше по течению. Поэтому надежда на спасение была призрачной как августовский снег.

Тем временем нападавший, пнув по пути жестяную банку, обрушил на спину несчастного свой пыльный ботинок. Малец глухо застонав, завалился лицом вниз и прикрылся руками. Я с ужасом смотрела на расплзающееся от его головы кровавое пятно. Оно растекалось небольшой, алой кляксой по россыпи мелкого щебня. Трое хулиганов тоже его заметили. Нервно переглянувшись, они плюнули в нашу сторону и стремительно исчезли вдали.

Дрожа от пережитого ужаса, я подползла к парнишке и непослушными руками перевернула его вверх лицом. Аккуратно положила его голову к себе на колени. А он... Он смотрел на меня огромными, серыми глазами и вымученно улыбался! Он был словно один из ангелов, изображения которых я видела, когда ходила с бабушкой в церковь.

–Извини, – его лицо запылало от смущения, и он виновато отвёл взгляд.

–Ты чего?

На верхней губе моего нового знакомого, красовался глубокий порез, откуда обильно текла кровь. Теперь у него останется шрам, с досадой отметила я.

– Не успел вовремя. Да и сдачи даже не смог дать, – горький вздох. – Ты в порядке?

–Да, спасибо. – Тоже мне, нашёл чему печалиться! – Их ведь было трое, и все они были старше нас. А ты храбрый, не побоялся заступиться. Отныне будешь моим героем!

Герой, широко улыбаясь окровавленными губами, сел. Я же направилась в сторону чахлого кустика, куда под звуки нашей драки, скрылся спасенный котёнок. Он так там и остался. Несчастный, дрожа, забился под самый корень. Я подобрала этот трясущийся, ледяной комочек и, прижав к груди, обернулась к своему застенчивому защитнику.

– Меня Кирилл зовут, – опять эта лучезарная улыбка. Будто и не били его вовсе. – Кирилл Морозов.

– Настя – крепко пожала его протянутую руку. – Шилова

Спустя каких-то 2 часа, мы сидели на старом, деревянном пирсе и весело болтали. Осеннее солнце заботливо уняло нашу дрожь. Рыжик, так Кирилл окрестил моего нового питомца, мирно спал, свернувшись на его коленках. А мы, два таких непохожих ребенка – решительный, весёлый паренёк и замкнутая, тихая девчонка, заливисто смеялись, позабыв обо всём на свете. В кармане моей джинсовой курточки нашёлся глазированный пряник. Мы его разделили пополам. Казалось, ничего вкуснее я в своей жизни не ела! В эти мгновения я осознала, что иметь настоящего друга – это удивительный дар. Сердце грела мысль, что теперь есть человек, который всегда подставит свое плечо и не отвернется перед лицом беды. Отныне я не одна!

– Я когда вырасту, стану художником, – вдыхая тягучий аромат сырой древесины, доверительно поведала я Кириллу.

– А что ты будешь рисовать? – мальчик в очередной раз посмотрел на меня, как-то повзрослому серьёзно.

– Счастье, – мечтательно размышляла я, – чтоб оно всегда было под рукой.

– Правда? Разве счастье можно увидеть?

Ответом ему стала загадочная улыбка. У меня появилось чувство, что очень скоро я пойму, как же всё-таки выглядит счастье.

– А ты? кем ты хочешь стать? – явно футболистом, пришла мне в голову мудрая догадка, все ребята в классе об этом мечтают.

– Врачом – отвёл глаза Кирилл, – хочу спасти людям жизнь.

– А что ты тут делал, когда наткнулся на меня? – этот вопрос не давал мне покоя. Кирилл нахмурился, пошарил рукой по карману потёртых штанов и извлёк оттуда измятый альбомный лист. Молча, уставился на корявое изображение держащейся за руки семьи. Под ним, крупными буквами было написано: " Я ВАС ЛЮБЛЮ и СИЛЬНО СКУЧАЮ". Быстрыми, уверенными движениями сложил бумажный кораблик и, также безмолвно, спустил его на воду. Замедив, мы смотрели, как стремительное течение уносит вдаль хрупкую конструкцию.

– Они так хотели успеть на мой день рождения... – блеклый голос Кирилла нарушил гнетущую тишину. – Мне должно было исполниться шесть лет. Был сильный гололед, и папа не справился с управлением. С тех пор я больше не праздную. Понимаешь?

Я не ответила, а он и не ждал этого. Его прикрытые веки едва подрагивали, парень сейчас был где-то далеко– далеко.

– Бабушка только осталась, она меня научила этому. Если написать послание и пустить его корабликом по этой реке, оно непременно найдёт адресата. Где угодно.

А потом Кирилл провожал меня домой, мы неторопливо шли, каждый думая о своём. Когда показался бабушкин красивый, большой дом, было уже поздно, и мама сильно переживала. Она, прижав к губам свои холеные пальчики, с потрясением оглядывала моего спутника. Видок у него, надо сказать был ещё тот. Выгоревшие на летнем солнце волосы торчали во все стороны. Застиранный, тонкий свитер – весь в бурых пятнах запёкшейся крови. Распухшая от пореза губа жутко кривила его красивое лицо. Мой новообретённый друг, наверное, почувствовал, что ему тут не рады. Он поздоровался, теребя руками и без того мятые штанины, быстро передал мне Рыжика и скрылся за калиткой. Я очень надеюсь, что маминны визгливые крики про: " шпану, оборванца и будущего гопника", так и не достигли его ушей. Кирилл мне в этом никогда не признавался, а общаться мы, вопреки всему, не переставали. Ещё целых четыре счастливых, ярких года мы были «не разлей вода». Я, он и наш общий любимец – Рыжик.

Нам приходилось скрывать свою дружбу. Я не могла пригласить Кирилла в гости, а он почему-то никогда не звал к себе. Игровой площадкой нам стал густо поросший осокой берег Днестра. Мальчик терпеливо ждал меня после занятий в художке, и мы наперегонки бежали к воде. Дурачились, брызгая друг друга, или просто болтали. Больше всего мне нравилось играть

с ним в прятки. Кирилл всегда водил, а я пряталась за деревьями и кустарниками, коих там было предостаточно.

Меня завораживала та сладкая, тягучая тревога, которая возникала, когда я скрывалась. От неё захватывало дух и замирало сердце. Кирилл не торопился меня поймать, ему был интересней сам процесс поиска. Он неторопливо бродил от дерева к дереву, чарующим полусёпотом повторяя свою любимую считалочку водящего. Когда его голос звучал совсем близко, моя кожа покрывалась мелкой россыпью мурашек. Кирилл приближался, зловеще понижая голос, и добавлял лишнюю, придуманную им самим строчку: «**Чего дрожишь, никто не спас? А я найду тебя сейчас!**». Тогда я с визгом выскакивала из своего укрытия, прямо в цепкие, мальчишеские руки. Он отрывал меня от земли и долго-предолго кружил, заливаясь смехом. Затем мой белокурый друг провожал меня домой, правда, не до самих ворот, так как это было чревато очередным скандалом.

***

3 года назад

Долгожданное предновогоднее утро я встретила в больничной палате. Сколько себя помню, этот праздник был для меня самым значимым. Важнее дня рождения, и даже летних каникул! Поначалу так было из-за безумного плана, поймать с полочным хитрого старикана с пышной бородой. Ради этого приходилось, преодолевая сон и свой постыдный страх темноты, часами напролёт корчиться в неудобной позе позади нарядной, пышной ели. Обычно вся моя избалованная операция заканчивалась тем, что я просыпалась утром в своей мягкой постели. А ворох ярких, красиво упакованных подарков служил мне немой насмешкой. Эта

дикая одержимость прошла весьма банально. Засидевшись за очередным рисунком, я отправилась в засаду намного позже обычного. А спустя всего каких-то десять минут свершилось чудо! Дверь в гостиную, где стояла наша ель скрипнула. Зная не понаслышке о скверной манере моего ночного гостя испаряться, я решительно налетела на объект своей извечной охоты. «Объект» громко и нецензурно выругавшись, распластался под завалами принесённых подарков. Таким вот образом, посреди ночи, попивая на кухне молоко из высокого стакана, я со слов смущённого папы, узнала правдивую историю «чудесного» появления новогодних даров.

Ну а после... – После, моя любовь к новогодним праздникам обрела более вескую причину. Это стало единственным периодом в году, когда мои родители снова собирались вместе под одной крышей. Как одна полная, любящая семья.

Стоило мне подумать о том, что настал этот долгожданный день, а я лежу на больничной кровати с диагнозом «сотрясение головного мозга средней степени тяжести», как настроение привычно свернулось в унылый комочек. Ну почему именно меня, на утренней пробежке, сбил какой-то хмельной мотоциклист? Прошло около недели, а необходимость созерцать ненавистные казённые стены, мне ещё никто не удосужился отменить. Да ещё и эта проклятая рана на голове, вроде не большая, а толком не расчесаться!

– Настёнка! Принцесса моя, иди я тебя обниму, мой конопатый ослик!

Мой отец, Шилов Олег Иванович, статный мужчина с едва тронутыми сединой висками, без лишних церемоний схватил меня в охапку. Счастливо улыбаясь в папиных медвежьих объятиях, я всё же позволила себе закатить глаза. К 15-ти годам веснушек у меня почти и не осталось, так пару светлых пятнышек на лице. Мне они даже казались милыми. Да и «осликом» я уже не была. Переросла свою непонятную любовь к серым вещам.

– Папка! Скажи! Скажи, что меня выписывают! – я тоже крепко обвила руками папину шею, благоухающую пряным ароматом его любимого парфюма.

– Я приехал за тобой! – улыбнулся мой родитель. – Извини, что раньше не смог выбраться. Возился с проектом нового объекта. Теперь всё улажено и мы всецело в твоём распоряжении! Помнишь Ромку?

Я, всё ещё сияя как рождественская звезда, перевела свой взгляд за отцовскую спину.

– Ну, привет, ослик. – Прислонившийся к стене парень одарил меня ехидной ухмылкой. – Как жизнь? Скучная без меня, не так ли?

– Здравствуй, Рома, – поздоровалась я, приправленным лёгкими нотками раздражения голосом, – представь себе, не жалуюсь.

Я хорошо помнила этого гадёныша. Сынок Игоря Сергеевича, папиного закадычного дружка, директора строительной компании, в которой мой отец был ведущим архитектором. К моему недовольству, до момента моего к бабушке переезда, наши квартиры находились на одной лестничной клетке. А раз мы были одногодками, наши семьи искренне считали, что мы должны продолжить это несокрушимое панибратство. Однако, этот негодник, видимо посчитав ниже своего достоинства, водится с девчонкой, исправно ломал мои игрушки. Уже в школе, естественно находясь в одном со мной классе, Роман Громов был единственным, кто ни на миг не оставлял меня без своего царского внимания. Он с маниакальным упорством всячески портил мою и без того серую и неприметную учебную жизнь. В ход шли и перемазывание клеем моих тетрадок и открытый корректор, заботливо подкинутый в мой портфель и ещё куча всего, на что была способна Ромина больная фантазия. Как же, забудешь такое «чудо».

– Собирайся, дочь, мы подождём в приемном покое, – отец потрепал мои и без того взлохмаченные волосы. – Пора начинать веселье!

Чувствую «веселье» будет ещё то...

Но ничего, я никому не дам испортить МОЙ праздник! Хотя, тут пришлось слукавить. Меня очень волнует Кирилл. Точнее его недельное отсутствие в школе, ещё до происшествия со мной. Хоть мы и учились в параллельных классах, когда это было возможным – мы были

неразлучны. А большая перемена служила нашим личным времяпровождением. Мы бегали в центральный парк, что располагался неподалёку, и там предавались весёлым пересказам школьных проказ или обсуждали особо заковыристые темы по каким либо предметам. Куда же он мог вот так, внезапно пропасть?!

Эта мысль не оставляла меня в покое всю дорогу к дому. В машине тихо играла музыка и пахло кожей. Я с задумчивым видом смотрела в окно. Сидящий рядом Рома мог стать ненужным препятствием на пути моего побега к Кириллу. А я просто обязана узнать, что приключилось с моим единственным другом.

Направив недовольный взгляд на источник своего раздражения, я с досадой отметила, что Рома нагло меня разглядывает. Ищет гад, к чему бы ещё во мне докопаться, дабы затем изводить. Хоть бы раз моргнул что ли! Этому пацану даже слова не нужны были, чтоб довести меня до белого каления.

– Что смотришь? – вместо ответа он лишь загадочно улыбнулся. Ну и отлично! Также принялась сверлить его глазами. Брюнет с последней нашей встречи заметно вытянулся. Да и занятия каратэ с восьмилетнего возраста не прошли бесследно – подтянутая, спортивная фигура радует глаз. К слову о глазах, они у него были даже не карие, а какого-то глубокого чёрного оттенка. Я почему-то уверена – у демонов в аду такие же. А этот, он просто от стаи отбился. Даже усмехнулась своим мыслям.

– Чего ты вообще приехал? – не стала с ним церемониться, всё равно не оценит.

– А что, ты разве не рада? Мы же всегда были «не разлей вода»! – Картинно вздохнув, юноша вызывающе выгнул свои тёмные брови.

– Да уж скорее « Не приведи Господь»!

– Тебя забыть не мог! – понизив голос, съехидничал Рома, но всё же решил пояснить причину своего здесь присутствия, – Да так. Моя новая «мамочка» решила, что будет здорово провести медовый месяц в Париже, – он отвернулся и добавил, уже без прежней бравады – Укатали на днях. А меня, чтоб не мешал, под крыло твоего родителя спланировали. Одного дома надолго бояться оставлять, вдруг плиту заляпаю или посуду мыть не буду.

Парень невесело засмеялся. Его отец относился к порядку с болезненной педантичностью. Мне вспомнились широкие рубцы от ремня, увиденные под случайно задравшейся Ромкиной майкой. Нам тогда было лет по девять. На один короткий миг, даже стало его жалко. Я задумалась, случалось ли мне чувствовать себя « третьим лишним» в собственной семье? В чём-то непонятой, где-то не выслушанной – да, но я с уверенностью могу сказать, что нужна родным, что меня любят. Ромкина же мать умерла при родах, а отец был озабочен лишь финансовым благосостоянием и любовными интрижками. С няньками маленький Громов не ладил, а о простых семейных радостях, таких как слова утешения, совместные игры и сказки на ночь, узнал на примере моей, тогда ещё полной семьи. Может он из зависти меня изводил? Я стремительно отогнала эту мысль. Моей вины в его несчастном детстве нет, а вот моё, он испортил знатно.

***

Дом нас встретил ароматом хвои и мамиными грозными криками.

– Я всё равно тебя найду! Найду и вышвырну в окно! – судя по лёгкой хрипотце в голосе, поиски длятся уже давненько и без особых продвижений.

– Мам, привет! Что случилось? – в мою голову начали закрадываться кое-какие подозрения, навеянные отсутствием любопытного кота у входных дверей. Не выбежать на звук малейшей возни в прихожей он мог только по одной причине – уже успел провиниться и затаился до лучших времён.

– Настенька, радость моя! – мама обнимала так, будто мы не виделись минимум год, будто не она каждый день, все приёзные часы проводила в моей палате. – Я всего лишь на

минутку выбежала на кухню! На минутку... – она беспомощно развела руками. В гостиной громко присвистнул отец.

– Рыжик! – резко разболелась голова. Наша просторная гостиная напоминала зону боевых действий.

Тяжёлые шторы держались на карнизе лишь наполовину, та же их часть, что стелилась по полу, была придавлена изрядно потрёпанной лесной красавицей.

– А у вас тут весело, – отчего-то радостно хмыкнул Рома, – полтергейст?

– Хуже, кот! Я утоплю его... – мама плавно перешла на рычание. Приглядевшись, я заметила главную причину её гнева – в самом углу комнаты сиротливо лежал ёлочный шар, украшенный ручной росписью. Один-единственный целый, среди множества разноцветных осколков.

Отец вышел, следуя за тянущимся шлейфом из цветной мишуры. Обняв дрожащую от подступающих слёз мать, встретила с Ромой глазами.

– Каждый раз, перед зимними праздниками, мы едем на ярмарку народных мастеров и выбираем самый красивый ёлочный шарик. Затем украшаем этой своеобразной коллекцией живую ель. Как символ того, что в наступающем году нас минуют беды и разочарования. Эта традиция тянется ещё от бабушки. – Объяснила я гостю.

– Она ещё не знает... – мама устало прикрыла глаза – Ещё недельку пробудет в санатории.

– Это глупые суеверия! И глупый кот. – Громов явно не разделял нашего уныния и не любил животных, надо запомнить.

– Пошли на кухню, чай заварю! – я увела бледную мать, подальше от творившегося в комнате безобразия.

Мы с ней сидели, в задумчивости попивая зелёный чай. Бабушке решили ничего пока не говорить а, со временем, просто заменить их на что-то похожее. Мама налила изумрудный напиток в прозрачную кружку.

– Отнеси Ромочке, – она мягко улыбнулась – дорога его совсем вымотала.

Никогда не понимала, почему родители так над ним трясутся. Но вслух противиться не стала, сегодня и без меня забот хватает. Громова в выделенной ему комнате я не обнаружила. Подумав, направилась в сторону гостиной и застыла от увиденной картины. Его Величество собственной персоной, стоя на коленях, собирал в большой пакет последствия кошачьей активности. Угольные волосы растрепались и в творческом беспорядке, падали ему на глаза. Бледное лицо было расслабленным, отчего в его чертах появилась несвойственная мягкость. Таким милым Ромку я видела впервые.

– Будешь чай? – вспомнила, наконец – то, о своей миссии.

– Спасибо – он рассеяно глянул в мою сторону – составишь компанию?

Через полтора часа мы сидели, поджав под себя ноги, прямо на тщательно пропылесосенном полу и допивали остывший чай. Я принесла свой альбом и стала выбирать оттуда небольшие, яркие рисунки птиц, букашек и цветов.

– Ром, помогай!

Парень вопросительно уставился на меня.

– Будем вырезать елочные украшения! – мой энтузиазм передался и Громову, так как, спустя ещё минут 20, мы замерли стоя плечом к плечу перед реанимированной лесной гостьей. Её веточки теперь были украшены яркими колибри, бабочками, божьими коровками и незабудками. Краем глаза я заметила стоявшую в дверях маму. Она с умилением взидала почему-то на нас, а не на наш шедевр в стиле « очумелые ручки». А переведя взгляд на брютета, у меня недоверчиво округлились глаза – Ромка улыбался! Не кривился, не усмехался, а именно улыбался во весь рот! Теперь я видела всё...

– Я сейчас! – забрала у своего счастливого помощника пустую кружку и, повинувшись внезапному порыву, похлопала его по плечу – Хорошая работа!

– Спасибо за сегодняшний день, – робко заглядывая мне в лицо, прошептал Громов.

На кухне меня дожидался «сюрприз». Усатая пропажа, видимо решив, что буря миновала, выползла из своего укрытия. Не найдя в своей мисочке ничего съестного, Рыжик демонстративно пытался сжевать украденный из пакета с мусором дождик.

– Горе ты моё пушистое! – я принялась выбирать застрявшие в густой кошачьей шерсти хвоянки. Рыжик замурлыкал, но голодный взгляд настойчиво продолжал взывать к моей совести. На полке, где бабушка хранит кошачьи лакомства, сиротливо ютилась пустая упаковка из под корма. Вздохнула, придётся отравляться в магазин. Мелькнула мысль заодно заскочить к Кириллу. Мои губы тотчас растянулись в предвкушающей улыбке, так и сделаю! Голодный кот – чем не повод пропасть на часик?

– Насть, куда собралась? – Уже у порога меня перехватил отец, он хмурился – Тебе пока лучше оставаться в доме.

– Ну, па-а-а-ап! – начала было настаивать я.

– Насть, развлеки лучше нашего гостя, – терпеть не могу этот его непреклонный тон, так как спорить в данном случае бессмысленно.

– Угу, обязательно...

Настроение снова вернулось к минусовой отметке. Подхватив по пути упирающегося кота, поплелась в гостиную. Громов, развалившись в кресле, хмуро разглядывал нетронутые нами наброски. Их оставалось ещё довольно много, и со всех ослепительно улыбался Кирилл.

– Не забывай, что ты в гостях, – мне было неприятно, что чужой человек без зазрения совести вторгся в мой личный мирок – постарайся впредь не трогать мои вещи!

– Да пожалуйста! – он вручил мне листы и с независимым видом поднялся на второй этаж, где располагались наши комнаты и ванная. Подождав немного, я тоже поднялась к себе. Мы развалились с Рыжиком на постели и, закрыв глаза, вслушивались в громкие звуки тяжёлого рока, доносившиеся из комнаты Ромы. Гадёныш...

После обеда, я, замерев, стояла под дверью Громова. Сгорая от стыда, занесла руку, чтоб постучаться. Ну, вот зачем я ему нагубила? Чем я лучше него после этого?

В этот самый момент дверь начала открываться, и мне едва удалось увернуться.

– Настя? – Ромкины глаза расширились от удивления и тут же сощурились: – Надо же, снизошла...

– Можно попросить... – нервно закусила губу. Докатилась, унижаюсь перед этим толстокожим троллем.

– Можно. Уеду при первой же возможности. – О-о-о, вернулся прежний равнодушный и вечно злой Громов. – Я, видишь ли, тоже не горю желанием дышать с тобой одним воздухом.

– Мы тут по магазинам собрались пройтись, подарки прикупить. Ты с нами? – решила пропустить его слова мимо ушей. И извиняться не стану. Обойдётся.

– Нет. Это всё?

Я кивнула. Глупо было ожидать от этого павлина, что он уважит наши традиции.

– Отлично – И закрыл дверь перед моим носом. Извинилась, называется. Да и чёрт с ним! Много чести.

Накинув на ходу зимнюю куртку, выбежала во двор. В радостном предвкушении шопинга, я села на заднее сидение папиного внедорожника.

Родители странно переглядывались и слали друг другу робкие улыбки. Хмыкнула, ведут себя как подростки на школьной дискотеке. С чего бы? Мысль так и повисла неоконченной, ибо рядом, как ни в чём не бывало, плюхнулся Громов. Мои брови непроизвольно поползли вверх, но парень, молча, отвернулся. Так же, не проронив и слова, он бродил по торговому центру, а потом и вовсе исчез. Встретились мы у машины. Рома виновато отводил глаза, а мне заговорить с ним первой мешала уязвлённая его хамством гордость. По пути папа заехал в ювелирный магазин, сегодня явно намечается что-то грандиозное. Ну что ж, праздник начинается!

***

– Настенька, тебя только ждём! – мама заглянула ко мне в комнату. – Как же быстро ты выросла. Красавица наша! – она мягким движением, расправила несуществующую складку на моём бирюзовом платье. Родительские комплименты зачастую преувеличены до безобразия, но всё равно их было очень приятно слышать.

– Иду, мамуль, – и уже у порога задорно улыбнулась – Люблю тебя!

Стол был накрыт в нашей многострадальной гостиной. К моему приходу все уже расселись, даже окончательно потерявший страх Рыжик важно восседал на кресле, изредка кидая томные взгляды в сторону ели. Атмосфера в комнате стала просто волшебной! Свечи самой разной высоты горели в нарядных подсвечниках. В воздухе витал запах цитрусовых и глинтвейна. Голубоватым сиянием перемигивались гирлянды, тихо играла музыка на каком-то музыкальном канале. Я пила горячий шоколад и хитро поглядывая на притихшего Громова, «когда там раздача подарков, чудище?».

Наконец-то, прозвучал бой курантов. Желание! В панике зажмурилась. Чего пожелать? В мыслях почему-то возник образ Кирилла. Где он сейчас? Радостно ли ему? Пусть у него всё будет хорошо!

– С новым годом! – под залпы фейерверков, папа отпил шампанское. – Ну, теперь можно и подарками обменяться. Он с волнением положил в мамины руки бархатную коробочку, в ней лежала нежная брошь в форме снежинки, с россыпью бриллиантов на ажурных лучах.

–Ты помнишь? – в материнских глазах стояли слёзы.

–Всегда помнил. С новым годом, любимая!

–Когда он сделал мне предложение, пошёл первый снег, – всхлипнула мать, глядя на меня. – Это был один из лучших дней в моей жизни! – Она снова повернулась к бывшему мужу – С новым годом!

Отец с мальчишеской улыбкой разглядывал протянутую мамой коробочку. Внутри мерцали строгие запонки с ониксами.

–Ленка, я такой дурак... – он порывисто заключил мать в объятия.

– Что же мы детей изводим? Подходите за подарками, – смущенно пробормотала она.

Мне достался платиновый кулон в форме палитры, а Ромка держал в руках плеер последней модели с наушниками. В его случае, уместнее был бы намордник, хотя наушники тоже ничего, избавят меня от воистину адской музыки, которую слушал Громов. Мы, в свою очередь, тоже подарили взрослым свои, более скромные подарки. «Теперь настало время для нашей маленькой мести!», противненько хихикая, потирали лапки дружные тараканы, что обитали в моей голове.

– Рома, поздравляю! – злорадно усмехаясь, я вручила растерянному парню свой подарок. – Теперь и у тебя появится настоящий друг. Будете два сапога пара!

–Настя! – мать в ужасе уставилась на меня.

– Потом поговорим! – папа лишь покачал головой и увёл её танцевать.

Ой, что-то мне это не нравится. Надо было наедине дарить, теперь заключают меня, как пить дать! А Громов так и стоял, потрясённо сжимая чёрного как сажа, лохматого чертёнка. Колченогий и пучеглазый, тот показывал « козу». Мерзость редкостная, кто только таких убогих придумывает?

– И тебя с наступившим, – моих рук коснулось что-то холодное. Рома вымученно изобразил некое подобие улыбки. – Выйду, пройдуся.

Я опустила глаза на свои руки. В них был стеклянный шар. Снизу он подсвечивался мягким золотым светом. Внутри, на парковой скамейке, задрав кверху носик, сидела милая девчушка. Её голову венчала слегка съехавшая на бок, небольшая корона. Напротив неё, на одном колене стоял паренёк и протягивал алое сердце. Безднадёжность его положения зашкаливала. А вокруг неспешным вальсом, кружили равнодушные снежинки.

Мне сразу стало жутко неудобно за свою проделку. Вещица была на редкость красивой, теперь понятно где Рома пропадал столько времени – выбирал что-то особенное для меня. Вот что с ним не так?! Как же я устала от его перепадов настроения!

Поникнув окончательно, поднялась в свою комнату. Спать не хотелось. Прижавшись лбом к оконному стеклу, с изумлением разглядела виновника своих бед. Он стоял, прислонившись плечом к углу кованой беседки, и гипнотизировал свой навороченный телефон. Игорь Сергеевич сына так и не поздравил, будто его и не существовало вовсе...

Ромка ещё долгое время стоял, одинокой, неподвижной тенью средь разгулявшейся метели. Он, словно тот паренёк из шара, протягивал равнодушным рукам своё неприкаемое сердце. Потерянный и никому не нужный. Даже будучи отвергнутым, он принимал очередное унижение, гордо расправив плечи. А затем этот обиженный ребёнок с пугающим бесстрашием возвращал в себе злость и ненависть.

***

Новый день встретил меня мягким прикосновением к плечу. Я распахнула глаза.

– Рыжик, подлиза лохматая! – видеть никого не хотелось, так что я выпроводила кота канючить корм в другом месте и направилась в ванную. С удовольствием постояла под горячим душем, неспешно высушила волосы, затем, напевая, вернулась в свои «чертоги». Глянула на часы и ужаснулась – время давно перевалило за полдень. Вылазку к Кириллу никто явно не одобрит, а откладывать её и дальше я не собираюсь. В который раз пожалела, что у меня нет подруги, на которую можно сослаться. А, будь что будет! Натянула мягкий белый свитер, джинсы и выглянула за дверь. На горизонте чисто. Это явно судьба. Прихватив для отвода глаз свою папку, я выскользнула из дому. Если что – скажу, делала зарисовки.

На улице было морозно и нещадно мело. К квартире Раисы Николаевны, бабушки Кирилла, я добралась изрядно замёрзшей. Благо додумалась раздобыть адрес в школе, ещё до начала каникул. Долго стучала, ожидая пока мне откроют. Наконец чудо свершилось, меня радостно обнимает пожилая, хрупкая хозяйка этой обители. Год назад, нас познакомил её скрытный внук, когда мы случайно встретились в городе, и он уже никак не смог отвертеться и не представить нас друг другу.

– Здравствуйте! С праздниками!

– Настенька, солнышко наше, проходи скорее! Совсем я расклеилась – еле доковыляла, – женщина направилась вглубь своего скромного, двухкомнатного жилища.

Скромного – это конечно, громко сказано! Я знала, что у Кирилла сложное материальное положение, но в дом зашла впервые. Даже стены в нём казалось, источали специфический запах корвалола.

Разуваясь, оглядела облупленную краску на дверях и протёртый линолеум. Аккуратно убрав с прохода свои сапожки, я неподвижно стояла на выдавшем виды, облезлом коврике. Вот это да! Я впервые встретилась со столь кричащей нуждой. Ни о каком комфорте тут и речи не шло. В узком коридорчике, освещаемом слабым свечением обычной, моргающей лампочки, из мебели был только старенький шкафчик. Его прогнившая от времени и сырости, боковая стенка была залатана кусками фанеры. Одной дверцы не было, вместо неё висела самодельная, тряпичная ширма с пёстрым узором. Единственным и неоспоримым достоинством квартиры был идеальный порядок. Нигде ни пылинки.

– Настенька, ты иди – иди, не стесняйся! – на изъеденной ржавчиной, газовой плите уже грелся пузатый чайник. – Сейчас чаек заварю из липового цвета, такой душистый, тебе понравится.

Из рук этой доброй, приветливой женщины мне что угодно понравится. Я незаметно осмотрелась. Небольшой квадратный стол, две табуретки, пожелтевший холодильник советских времён, плита и покосившийся кухонный шкаф, вот и вся обстановка. Вдохнув, положила на стол пакет с мандаринами.

– Угощайтесь! А Кирилл когда будет? – решила перейти сразу к делу. – С ним всё хорошо?

– В порядке он, деточка, – она тяжело вздохнула – Моя вина. Захворала сильно перед каникулами, сердце совсем расшалилось. Вот Кирюха и выхаживал пару дней. Пенсии то моей на коммуналку да еду не особо хватает, а тут лекарств кучу прописали. Вот внучёк то мой подработку и нашёл, этим как его, – старушка призадумалась – не вспомню уже! В кафе заывает новое, бумажки раздает.

– Промоутер.

– Ага, он самый. Золотой ребенок, жаль родители рано ушли, – Раиса Николаевна смущенно глядела в пустую сахарницу, – Несладкий придется...

– Мой любимый, – решила я немного приврать, устыдившись того как дома кривила носом и требовала в чай исключительно кусковой сахар. Будто была особая разница, тут люди никакого не имеют! – фигуру берегу.

– И так тростиночка, куда тебе, – её прервал звук отпираемой двери.

– Бабуль, я дома! У нас что, гости?

На кухню влетел взлохмаченный, румяный Кирилл с пакетом лекарств, в руках.

– Держи, докупил, там капли твои заканчиваются, – он заботливо помог женщине подняться, – Настя?! Зачем ты сюда пришла?

Моё тут нахождение явно шокировало парня.

– Привет, я волновалась, – мне отчего-то стало неловко, – прости, что как снег на голову.

– Я к себе пойду, вы тут уж сами справитесь. – Раиса Николаевна, многозначительно улыбувшись внуку, удалилась из крохотной кухоньки.

– Это ты прости. – Кирилл устало присел на скрипящий стул. – Я на днях услышал, ты с сотрясением лежала, – он окинул меня внимательным и тревожным взглядом, – примчался, увидеть хотел, но Елена Александровна к тебе не пустила. Я цветы принёс и пару яблок – антоновка, твои любимые. Понравились?

– Понравились. Всё уже хорошо! – я протянула ему очищенный мандарин. – Угощайся, добытчик.

Естественно никаких цветов и яблок мама мне не передавала. Мой единственный друг, для неё – бельмо на глазу, «нищеврод», как она выражается. Зато прояснилось происхождение чудесных, поздних хризантем в больничной урне. Хотя нет, яблоки были. Они лежали на тумбочке, я ещё подумала, что их оставила мать.

Я с печальной улыбкой посмотрела на Кирилла. У самого дома даже сахара нет, а он на цветы мне тратится! Глупенький.

Юноша продолжал сверлить меня этим непонятным, пристальным взглядом. Под его большими, серыми глазами, пролегли едва заметные круги, из-за которых он казался взрослее своих лет. Выгоревшие, пепельные пряди совсем отросли и касались ворота немного вытянутого свитера. Почему раньше его скромная одежда не наталкивала меня на размышления о том, какого ему живётся? Кирилл всегда лучился позитивом, а его жизнь казалась мне такой же яркой и радостной, как и он сам. Хороша подруга...

– Кирилл, я хочу тебя нарисовать таким! – озарила меня творческая идея.

– Каким же? – парень закусил губу – выжатым как лимон?

– Мужественным, уютным, – робко замолчала. Опять эта неловкость. Да что со мной происходит?! – если, конечно, ты не против.

– Пойдём, – он протянул мне замёрзшую руку и едва заметно вздрогнул от моего прикосновения. Отвёл в соседнюю, светлую комнату.

– Располагайся, – указал на одинокое кресло в углу, а сам уселся прямо на полу, удобно пристроившись спиной к изъеденному молью, продавленному диванчику.

Я достала лист и стала колдовать над ним. Обычно Кирилл в это время всегда вдохновенно что-то рассказывал, но в этот раз ограничился лишь тем, что нервно сжимал край сво-

его рукава. Какой же он красивый. Почему это стало вдруг так очевидно? Сегодня я впервые увидела в нём не просто друга, а привлекательного молодого человека.

Мы встретились взглядами, и сердце защемило от накотившей нежности, сделав невидимой царившую вокруг нас разруху. В голове хороводом закружились картинки: вот мы пускаем кораблики по реке, а шаловливый ветер ласково треплет нам волосы; Вот Кирюха лезет на дерево, чтобы достать для меня цветущие каштаны; Он же, только постарше, неумело утешает, когда как-то ранней весной, потерялся Рыжик. Тогда мои страхи разом отступили – всё обойдется. Самые светлые воспоминания оказались связанными с этим, ставшим за время таким родным человеком.

Осторожное прикосновение к щеке вернуло меня в реальность. Кирилл теперь стоял совсем близко, его лица коснулся лёгкий румянец, из-за сильно расширенных зрачков, глаза казались бездонными. Они согревали безграничным обожанием.

– У меня есть для тебя подарок, – он убрал руку и, тут же, из заднего кармана джинсов достал изящное серебряное колечко с дымчатым кварцем, – Под цвет твоих глаз. Самых... Любимых.

Я, приоткрыв рот, смотрела на своего единственного друга. Вот так, в один короткий миг, с дрожащим звоном, расправили крылья наши первые чувства.

– Прими мою любовь... Мою душу, – Кирилл осторожным движением руки поднёс колечко к моим дрожащим пальцам, – Я знаю, мы пока не можем быть вместе. Знаю, что буду продолжать сгорать каждое мгновение, в котором нет тебя, – его голос стал глухим, – подари мне надежду на то, что когда-нибудь ты станешь моей.

Он притянул меня к себе и впился жадным, внимательным взглядом.

– Да! Я буду с тобой! Всегда... – мне хотелось закричать об этом на весь мир, но наши отношения должны были оставаться тайной, – Я люблю тебя!

Кирилл осторожно отодвинул прядь моих волос, заставляя сердце зайтись в бешеном ритме. Я замерла, боясь спугнуть призрачное волшебство этого момента. Ещё мучительная секунда и он потянулся к моим губам. Прикосновение такое трепетное и нежное, что я слышу, как с тихим шелестом опадают все мои страхи.

– У меня нет для тебя подарка, – стыдливо выдохнула, уткнувшись лицом в его грудь. От парня слабо пахло медом и полынью.

– Ты сегодня вручила мне самое ценное, – Кирилл упёрся подбородком мне в макушку – Ты подарила мне крылья. Настенька, девочка моя. Моя...

Мы так и остались, неподвижно стоять, в плену тёплых и надёжных объятий. Я, расслабившись, слушала его, едва уловимое, дыхание и понимала, что пропала. Сердце, короткой вспышкой озарило чувство лёгкой тоски и сменилось безмятежностью. Наверное, так прощается детство.

Оставшееся время, что мы провели у Кирилла, пролетело как один миг. Мы, по-семейному уютно, сидели на кухне, предаваясь мечтам за чашкой липового чая.

Когда Кирилл провожал меня домой, уже смеркалось. Мы шли с нарочитой неспешностью, неосознанно пытаясь отдалить момент прощания. Строили планы на будущее. Кирилл собирался, после школы, поступать в медицинский институт, благо учился он прилежно, и проходной балл не должен был стать проблемой.

«Буду днём учиться, а по ночам работать, я сделаю всё, чтобы мы были вместе», когда он говорил, его глаза сияли решимостью. Как же хочется верить, что всё будет именно так.

У калитки я остановилась. В свете уличного фонаря, снежинки искрились мелкими огоньками. Ветер их подхватывал и они, серебряной пылью, кружились в морозном воздухе. Пронизывающий холод проникал под одежду, но мне было всё равно, ведь меня держал за руку любимый человек! Это единственное, что имело хоть какое-то значение. Заключить бы его в объятия и никуда не отпускать!

– Ты ещё не ушла, а я уже хочу увидеть тебя снова. – Парень будто читал мои мысли. – Моё сердце всегда будет рядом.

Он прижался губами к кончику моего холодного носа.

– Я буду его беречь, – дыхание перехватило от накатившей грусти, – До встречи...

– До встречи, моя Настенька.

Как порою наивны наши мечты!

***

Крадучись, я зашла в дом, в прихожей было темно. Тихо закрыла за собою дверь.

– Явилась? – Мамин ледяной тон резанул по нервам. Яркий свет на пару мгновений болезненно ослепил глаза, она, поджав губы, стояла у выключателя. – Ну и где ты бродила?

От неожиданности я прикрыла рот рукой. Заметила застывшего на верхней ступеньке Рому, он с изумлением прислушивался, благоразумно передумав спускаться вниз. Такой злой, он мою мать видит явно впервые.

– Отвечай! – она перехватила мою кисть и расширившимися глазами разглядывала кольцо. – Можешь не говорить! Такую дешёвку тебе мог дать только Кирилл... Ты опять с ним водишься?! Стыдно-то как!

– Мам, послушай, он хороший. Он...

– Молчи! – она нервно запустила руку себе в волосы и прикрыла глаза. – Ты хоть понимаешь, что тебя с ним ждёт?! Не понимаешь? – Меня спроси! Запудрит тебе мозги через пару лет и будет жить за твой счёт.

– Мам, не говори так о нём! – стало обидно за любимого, почему она так плохо о нём думает? Мама ведь совсем его не знает. Даже не говорила с ним никогда, и мне заодно запрещала.

– Ну да, ты же у нас самая умная! А когда он тебя обрюхатит и свалит в закат, прихватив все драгоценности, к кому плакаться побежишь?!

– Настя, смотри, что ты наделала! Родную мать до слёз довела! – появился отец, он говорил, сурово сдвинув брови, – Иди, собирай свои вещи. Вы завтра переезжаете. Наша семья воссоединилась. Теперь всё будет как раньше.

«Всё будет как раньше», никогда не думала, что эта сказочная новость прозвучит похоронным звоном, по самым важным отношениям в моей жизни. Мои попытки хоть как-то повлиять на решение родителей не увенчались успехом. В ход шли обещания, слёзы, упрёки, но всё тщетно. Решение уже было принято. Окончательно и бесповоротно.

Я всегда была послушным ребёнком. Именно поэтому, утром следующего дня, молча, выкатила свой немногочисленный багаж. Покорно уселась в машину и, с раздражением отметив ехидный Ромин взгляд, стала смотреть в окно. Мысленно добавила ещё один кирпичик в фундамент своей ненависти к Громову. Прочный такой фундамент. Несокрушимый.

Машина тронулась, замелькали деревья и дома, будто щедрою рукой присыпанные снегом. Ненавижу зиму. Хочу туда, где лето. Туда, где у берега стремительной реки благоухает акация. В тот миг, когда сияющий Кирилл протягивает мне букет цветущих каштанов. Купить бы билет в прошлое.

***

– Ну, здравствуй, милый дом, давно не виделись! – решила я с порога обозначить своё отношение к переезду. – Надеюсь, что проездом.

Это место мне давно уже не дом. Не здесь я бы хотела быть сейчас! С удовольствием отметила, как мама поджала свои безупречно накрашенные губы. Да, мне стыдно упрекать родителей их счастьем. Раньше мне бы такого и в голову не пришло. Вот только не дает мне покоя мысль, что это не единственная причина моей сюда ссылки. Я бы и с бабушкой пожить могла, ей общение со мной лишь в радость. И школу обратно менять бы не пришлось. Несмотря на то, что друзей, в уже бывшем классе я так и не приобрела, мне там было вполне комфортно.

И к учителям привыкла, как родные все. Но все эти аргументы разбиваются об один неоспоримый для родителей факт – там живёт Кирилл, «Подлый искуситель и растлитель богатеньких дурочек». Конечно же, мне хочется вернуть прежнее доверие, на котором строились мои с семьей отношения. Однако обида, ядовитым побегом, обвивала меня изнутри. Пропитывала ядом мои мысли и слова. Разве можно это как-то исправить? Если бы...

Скрипя зубами, разулась. Когда поднимаясь с удобного пуфа, больно ударила плечом об стальную ручку Ромкиной дорожной сумки.

– Как же ты бесишь! – моё раздражение набирало обороты. – Твоя дверь напротив.

– Он у нас погостит до девятого числа, – папа был готов испепелить меня взглядом, – Тебе бы стоило поучиться хорошим манерам!

– Прости, – сухо пробубнила я.

– Всё нормально, тебе нужно отдохнуть, – глаза Громова светились добродушием, при этом он, без зазрения совести, незаметно показывал мне средний палец, – Мы, кстати, снова будем учиться в одном классе, – подмигнул.

Мама с умилением вздохнула. Значит этот обеспеченный, эгоистичный лицемер, подходящая для меня компания, а искрений и добрый Кирилл – нет?! Хотелось взвыть от этой несправедливости. Я с чувством пнула его багаж.

– Я позабочусь, чтоб ты быстро освоилась в классе! – с энтузиазмом прокричал мне в след этот гад.

Вот его то «забота» меня в первую очередь и пугает. Господи, за что?

В моей большой, светлой спальне всё осталось нетронутым: широкая кровать, накрытая клетчатым пледом в лавандовых тонах, мягкий ковёр с длинным ворсом, строгая мебель из белого дерева. Перед большим зеркалом, на туалетном столике стояла моя шкатулка для украшений. В ней обнаружилась моя старая коллекция крошечных пони, самое ценное сокровище детства. То единственное, что удалось спасти от беспощадного в своём желании ломать Громова. Подумав, пристроила рядом стеклянный шар, подаренный им же. Поначалу мелькнула мысль просто разбить его о голову хозяина (я даже позволила себе немного помечтать на эту тему). Однако, несмотря на свою неприязнь к парню, избавиться от шара рука так и не поднялась. Глядя на эту милую вещицу, в груди щемит от воспоминания о его одиночестве. Прискорбно, но отныне мы в этом схожи.

– Настя, ужин уже готов, – мама сделала пару неуверенных шагов в мою сторону, – Посиди с нами, не упряжься.

– Спасибо, я не голодна, – сидеть с Громовым за одним столом, в мои планы не входило, хватит с меня стычек с ним, – Наверное, лягу пораньше.

– Хорошо, отдыхай – уже у двери она обернулась – Так для тебя будет лучше. Ты когда-нибудь поймёшь.

Очень сомневаюсь, но обсуждать с ней это, я больше не намеренна – мы в любом случае друг друга не услышим.

Сон долго не шёл, меня душили слёзы. Ещё вчера мы с Кириллом любовались снегопадом. Если закрыть глаза, я чётко вижу его мальчишескую прощальную улыбку. Как суметь не растерять со временем детали этого дорогого мне образа?

***

Всю следующую неделю я почти не выходила из комнаты. К счастью никто особо не лез ко мне в душу. Даже ненавистный Громов бродил задумчивый и почти меня не доставал. Девятого числа из Парижа вернулся его отец с молодой супругой. Они привезли оттуда кучу сувениров и подарков. В честь своего приезда, они пригласили нас в ресторан. Было сложно сохранять радужную мину, в то время как хотелось зарыться под одеялом, спрятавшись от всего мира. Роме тоже было не по себе, Игорь Сергеевич, свою отцовскую любовь, обозначил мимолётным

взглядом и похлопыванием по плечу. После, всё его внимание вернулось к супруге – белокурой, хрупкой Ольге.

Мои же мысли продолжали вращаться вокруг далёкого теперь Кирилла. Время шло, а боль не отступала. Каждый новый день – как маленькая смерть, словно пытка сожалениями и неизвестностью. А ночами, когда удавалось уснуть, его жизнерадостный образ был повсюду, я жила этими мгновениями, но не могла удержать. Они подобно песчинкам, просыпались с рассветом сквозь пальцы. У меня даже его номера не было. Хотя телефон, скорее всего, давно отключен за неуплату. Я бы могла писать ему письма, но не стану. Томиться ожиданием ответа, пытаться вдохнуть его неуловимый запах, представлять, как его пальцы касались бумаги... мучительная и изощренная пытка. Я боялась превысить порог своей душевной боли и попросту сойти с ума от безысходности. Нет, я должна продержаться эти три года в здравом уме, тогда уж никто не помешает мне вернуться. Ну а пока, пусть тихо тлеет грусть, она не даст забыть, какими красками написана моя первая любовь.

Вот и наступил первый учебный день в новом году. Я уверяла себя, что всё будет хорошо и ничем особенным очередная смена школы мне не грозит. Тем не менее, до начала урока 5 минут, а я стою как вкопанная перед дверью в класс. Боюсь, что старая схема, «две недельки и стану невидимкой», на этот раз не сработает. С самого начала этого года всё не так, как должно быть. Моя некогда размеренная жизнь, исправно катится к черту. Так с чего бы школа стала исключением?

– Ух ты, ослик! Проходи, не стесняйся. Дверь сама не откроется, – Рома, крепко ухватив меня за шиворот, затащил в кабинет.

– Народ, минуточку внимания! Это Шилова Настя, если вдруг кто не помнит, – он окинул наглым взглядом, притихший в ожидании представления, класс, – В полку лузеров прибыло!

Последние слова этого изверга, были встречены издевательскими смешками. Он толкнул меня вперёд. Не удержав равновесия, я умудрилась рюкзаком смахнуть с парты чьи-то тетрадки и ручки. Под общий теперь уже хохот, неуклюже наклонилась, чтобы их собрать. В меня полетели «снаряды» из скомканной бумаги. Тем временем Громов, наклонившись, запустил руку мне в волосы и, слегка оттянув их, повернул лицом к себе.

– Как себя чувствуешь? – насмешливо осведомился этот клоун.

– Отвратительно.

– Так и должно быть, – игриво подмигнул он – скоро привыкнешь.

Я поднялась и, опустив голову, поплелась к задним партам, перед глазами всё слилось, от накативших слёз. Прозвенел звонок, учитель где-то задерживался. Класс гудел, изредка оборачиваясь и кидая насмешливые взгляды в мою сторону. Мне удалось придать лицу безразличное выражение, хотя в глубине души продолжала стенать моя прилюдно попанная гордость.

– Не обращай внимания, – ко мне за парту подсел круглолицый парень, с волосами цвета абрикосового джема, – в них разыгралось стадное чувство. Громов у них за главного барана.

– Спасибо за поддержку – мой голос незначительно дрожал. – Тим, да?

– Узнала всё же! – радостно заулыбался Тимка Ершов. Мы с первого класса сидели вместе. Парень уже тогда держался особняком, с остальными (в том числе и со мной) особо не общался. Единственное что нас с ним всегда связывало, это нелюбовь к противоположному, наглому и порою даже жестокому Роме. Мы числились у Громова в «фаворитах», и зачастую несчастному Тиму доставалось даже больше чем мне. Ершов, который до сегодняшнего дня сидел в гордом одиночестве, наверно в знак солидарности, пересел за мою парту. Оставшуюся часть урока, я усердно старалась вникнуть в суть новой темы. Пару раз оборачивался Рома, он, недобро прищурившись, поглядывал на моего соседа. Тогда я не придавала этому особого значения, а зря.

После уроков я задержалась в библиотеке, поэтому к выходу шла по уже опустевшим коридорам. Неожиданно моё внимание привлек приглушенный звук голосов. Он шёл из-за двери школьного мужского туалета и периодически заглушался взрывами хохота. Когда я проходила мимо, дверь неожиданно распахнулась. Оттуда, оглядываясь по сторонам, вышел подозрительно довольный Громов в сопровождении своих прихвостней. Завидев эту компашку, я попыталась спешно ретироваться.

– Сбежать удумала? – я ощутила Ромины сильные руки на своей шее – Дрожишь вся. Боишься меня, да, ослик?

– Пусти! – руки сжались сильнее. Он стоял за моей спиной, остальные же полукругом встали спереди, три одинаковые, полные откровенной издёвки ухмылки.

– Гром, может ну её? Она же сейчас в свои модные штанишки наложит! – противенько засмеялся один из парней.

– Ага, чего ты до неё докопался? – вклинился, насколько я помню, его брат, – нас нормальные девчонки гулять ждут, а ты на эту мелюзгу время тратишь.

– Отвечай! – будто и не слышал их этот бесноватый гoblin.

– Боюсь! – хрипло призналась я.

– Правильно делаешь, – ласковым голосом пропел он мне на ухо и резко отпустил. Потом неспешно обошёл мою застывшую фигуру и... Протянул леденец! Обычную маленькую барбариску. – Будешь?

– Себе оставь! – нет, мне ни за что не дано понять безумный ход его мыслей.

– Как знаешь, принцесса... – он развернул конфету, закинул её себе в рот, и философски пожав плечами, удалился, сопровождаемый своей свитой.

Я сделала пару шагов и тут же прислонилась к холодной стене. Колени дрожали. Никак не получалось взять в толк, чего Громов ко мне пристал. С другими девушками, как я заметила, он вёл себя совершенно иначе.

С противным скрипом, снова отворилась дверь туалета и опасливо выглянула Тимкина рыжая макушка. С его волос стекала вода, оставляя мокрые пятна на выглаженной, клетчатой рубашке.

– Это они сделали? – я протянула ему упаковку бумажных салфеток.

– Нет, я сам решил умыться водой из унитаза, – грустно улыбнулся Тим.

– Не стоило меня жалеть. Теперь и тебе досталось.

Не то чтобы Рома его и раньше не трогал, просто на этот раз, я была уверена, что причина скрыта во мне.

– Как-нибудь переживу, – он перекинул свой рюкзак через плечо. – Пошли, домашка сама себя не сделает.

Домой я всегда ходила пешком. Мне казалось, что груз школьных проблем потихоньку отваливается где-то по пути. Так случилось и сегодня. Мне удалось себя убедить в том, что Громов просто увидел во мне новую жертву, которая вскоре ему надоест, и он отстанет. Главное особо не светиться перед его глазами и помалкивать.

***

В пустой квартире надрывался телефон. Папа ещё должен быть на работе. Мама собиралась встретиться с подругами, значит, до вечера не появится – всё-таки четыре года не виделись. Разувшись, подняла трубку.

– Алло.

– Настенька, это ты? – с противоположного конца провода доносился бабушкин голос.

– Я, бабуль. Здравствуй!

– Здравствуй, родная! Я вот клиента нашла, на мамкин салон. Поговорить с ней хочет, а мобильный молчит.

– Бабуль, она к подругам ушла. Может сел. Я передам.

– Спасибо, Настенька! У самой то, всё хорошо?

– Хорошо, когда лето и каникулы, а сейчас в разгаре учебный год! – трагическим голосом поведала я.

– Да разве это беда? Вот у Морозовых горе! Вчера на похороны ходила.

На меня будто вылили ушат ледяной воды.

– Что-то с Кириллом? – на ватных ногах, я медленно сползала по стене.

– Забирают Кирюшу в детский дом. Отмучилась Николаевна, сердце...

Бабушка продолжала что-то говорить, но мои мысли были уже далеко. Бедный Кирилл, за что жизнь так с ним? Разве мало того, что он так рано потерял родителей и рос в нужде? Теперь, когда он ещё не успел встать на ноги, он лишился и бабушки. Я знала, как сильно парень к ней привязан, какую ответственность чувствовал, как трогательно они заботились друг о друге. Для него это сильный удар, он остался совсем один, а я даже не могу его утешить.

Вечером, слоняясь по дому погружённая в невесёлые думы, услышала мамин телефонный разговор с покупателем. Вероятно, сделкой все стороны остались довольны, так как договорились в эту субботу встретиться у нотариуса и оформить договор. Какая удача, что этот их нотариус работает без выходных. У меня наконец-то появился призрачный шанс увидеться с Кириллом.

На моё счастье, мама была в замечательном расположении духа. Судя по тонкому аромату, она заварила свой любимый зелёный чай с жасмином.

– Мамуль, – я заискивающе заглянула в её лицо, для пущей верности напустив на себя смиренный вид, – можно я с тобой поеду? Я так по бабушке скучаю!

– Насть, встреча назначена на ранее утро. Я должна выехать завтра, максимум в 14:30. Ты, скорее всего, ещё будешь в школе.

– Завтра пятница, последним физкультура. Я отпрошусь! – да ради этой поездки, я бы вообще в школу не пошла. Но, об этом будет лучше умолчать.

– Исключено! Ты второй день учишься, не хорошо так начинать, – продолжала противиться мать.

– Звонок с урока в 14:10. Я успею! Пожа-а-а-луйста...

– У тебя времени до 14:30 и ни секунды больше! – пристально вглядываясь в моё лицо, добавила – И без глупостей мне там.

– Обещаю. Спасибо, мамочка! – под глупостями, явно подразумевалась моя истинная цель поездки. – Я успею!

***

Утром, в школу я собиралась с особенной тщательностью. Если удастся навестить любимого, не хотелось бы выглядеть как серая мышь. На уроках то, я старалась особо не бросаться в глаза, являясь ярким противником излишнего к себе внимания. Конечно, Кирилл меня видел любой, даже с опухшим от слёз лицом. Однако, неизвестно когда ещё нам выпадет случай встретиться. Хочу, чтобы он запомнил меня красивой.

Проснувшись пораньше, я успела вымыть и накрутить волосы. Надела расклешенную чёрную юбку по колено и обтягивающую, песочного цвета кофточку, с вырезом лодочка. Довольная своим внешним видом, я даже слегка подкрасила ресницы маминой тушью. Нанесла на губы немного прозрачного блеска. Готово! Покрутившись перед зеркалом, сама себе удивилась. Несмотря на свой невысокий рост, сейчас я выглядела как очень даже симпатичная девушка, а не забитый, угловатый подросток. Главное маме на глаза не попасться, я впервые выхожу зимой из дома в тонюсеньких колготках. Не ровен час ещё передумает! Накинула на плечи своё зимнее пальто и, крикнув в сторону маминой комнаты, что сегодня иду в школу пешком, выбежала, от греха подальше. А на улице было морозно. Очень. Подозреваю, что, несмотря на быстрый шаг, до своего учебного заведения я добралась изрядно посиневшей.

– Шилова, стой! – Тимка, на ходу разматывая шарф, шёл в мою сторону. – Вчера, среди своих нашёл.

Он протягивал мою тетрадку по литературе. Окинув меня внимательным взглядом, пристынул.

– На Ромыча запала что ли?

– Ершов, совсем умом тронулся? Я что, похожа на больную?

– Ну а что, от вас вчера в классе прямо заискрило, – он хохотнул – да и девчонки наши все за ним бегают.

– Заискрило, да не то. Просто к бабушке сегодня попасть хочу, а ждать пока переоденусь, никто не станет, уедут без меня, – я решила всё-таки прояснить ситуацию. – Так что, не придумывай того, чему не бывать.

– Ну, как скажешь. – Тимка посмотрел куда-то, за моё плечо. – Идём, урок скоро.

Я обернулась и встретилась глазами с Громовым. Мрачный как туча, он стоял всего в паре метров от нас, и мог слышать каждое слово.

К счастью, учебный день хоть и тянулся непривычно медленно, обошёлся без приключений. Долгожданный шестой урок подходил к концу. Наш физрук, Семён Александрович (между собой мы его называли Саньч), постоянно куда-то названивал и, погрузившись полностью в свои заботы, не обращал на наш девятый «А» класс никакого внимания. Только зря переодевалась в спортивный костюм!

Нетерпеливо ёрзая на длинной скамейке, я то и дело поглядывала на часы. Завершив очередной телефонный разговор, Саньч позвал к себе Рому (этот «добряк» был у нас ста-

ростой класса). О чём-то поговорив с парнем и передав ему ключи, физрук бодрым шагом направился к выходу из спортзала. Через пару минут, звонок известил нас об окончании урока.

В раздевалке было душно. Я быстро переоделась и уже выходила за дверь. Налетев на возникшую из ниоткуда преграду, собралась её обойти, но безуспешно. От Громова так просто не сбежать. Сцепив руки в замок у меня за спиной, он ждал, когда женская раздевалка опустеет. Со стороны можно было подумать, что мы о чём-то мило воркуем.

– Не дёргайся! – он говорил шёпотом, а его тёмные глаза излучали арктический холод.

– Ты в своём уме?! Отстань от меня! – я попыталась вырваться, но очень быстро поняла, что это глупая затея, дабы я не сбежала, Рома буквально впечатывался в меня. Пнуть его хорошенько мне тоже не удавалось.

– Да тихо ты, говорю! – прошипел этот псих.

– Насть, всё нормально? – Тима я могла только слышать, так как лицом упиралась в Ромину грудь.

– Ага, – уже сквозь зубы ответила я, ибо Громов сжимал меня так, что казалось кости треснут. Ещё и на ногу наступил, для верности.

Тимофей ушёл. Он так ничего и не увидел, или не захотел увидеть.

– Отпусти, чудовище! Мне, между прочим, больно!

– Останемся одни – подую, – одним уголком рта «обрадовал» меня брюнет.

– Вот он, апофеоз всех моих мечтаний! – раздражённо пробубнила я.

В спортзале стало тихо. Рома, негромко выругавшись, когда я толкнула его локтём под ребро, затолкнул меня обратно в раздевалку и запер за мною дверь.

– Мышка в клетке! – издевательски пропел парень.

– Ромка, выпусти меня! Пожалуйста! – ответом мне было молчание. Я точно знала, что он стоит за дверью, – Как же я тебя ненавижу! Ненавижу, Громов! Слышишь?!

Тишину пререзал звук удаляющихся шагов.

– Ромка, Не уходи! Выпусти меня! – Я дёргала дверную ручку в тщетной попытке выбраться. Молотила по ней ладонями, пока не перестала их чувствовать. На часах было 14:25. От разочарования хотелось завывать. Что это, злой рок? Судьба? Бессилие от понимания, что мой шанс увидеть Кирилла безвозвратно потерян, разрывало меня изнутри. И тогда я заплакала, слёзы вперемешку с тушью оставляли некрасивые, солёные дорожки на лице. Так прошло ещё сорок минут. Легче мне не стало. Теперь я испытывала не беспомощность, не унижение, не боль. Я испытывала ярость!

За дверью послышалась возня. Она медленно приоткрылась, и в проёме показался Рома. Не говоря ни слова, я врезала по его наглой, высокомерной физиономии. Потом ещё раз и ещё...

– Эгоист! Убью тебя. Вот этими руками! Тебе на всех кроме себя наплевать!

– Успокойся, – он быстрым движением скрутил меня – Настя, всё...

– Пусти, ненавижу!

– Успокойся. Тише... – Громов прижал свой палец к моим губам, и смотрел на меня в упор, пустыми, ничего не выражающими глазами. Когда я затихла, тщательно вытер рукою разводы на моих щеках. Он отпустил. Сделал шаг в сторону, пропустив меня к выходу, и запер дверь.

– Никогда тебе этого не прощу! – зло крикнула в его прямую спину.

– Твоё дело, – пренебрежительно передёрнул плечами Рома.

Дома я, естественно, никого не застала. К вечеру у меня поднялась температура, и я забылась беспокойным сном. Вернувшийся с работы отец, предпринял все необходимые меры. Приехал семейный врач, пошаманил надо мной и через пару дней болезнь прошла. Но не тоска, она сторбленной тенью ступала по пятам, поглощая яркие краски каждого нового дня. Я полностью отгородилась от окружающих. Спряталась под непроницаемую маску. Замкнутая для

родной семьи, изгой для одноклассников. Тим был единственным, с кем я мало-мальски общалась, ненадолго отвлекаясь от неизменного рисования. Дни сменялись как кадры в черно-белой киноленте, а я не могла, да и чего греха таить, не хотела улавливать его сути. Так прошло ещё два года вдали от Кирилла.

Два безликих, беспросветных года.

***

– Ну, Настька, Настёнка, родная! – обезумевший от любовных переживаний Тимофей, сегодня решил окончательно вынести мне мозг, – Выручай, подруга. Ты ведь поможешь, да? Ну, хочешь я месяц домашку по химии, за тебя делать буду?

– Умеешь ты, быть убедительным, Ромео, – я с довольной ухмылкой глядела на своего друга и головную боль в одном флаконе, – Что на этот раз? Опять стихи ей подбросишь?

– На свидание приглашу, – от сильного волнения, парень кусал губы – сегодня всё решиться.

Тима нервно теребил пуговицу на своей тонкой рубашке, темно серого цвета. Видно было, что он мужественно пытается совладать с эмоциями, но дрожь в голосе с головой выдавала высокий накал его переживаний.

– Тогда нам надо поторопиться, большая перемена скоро закончится. Давай сюда свою записку – не медля ни секунды, Тимка вложил мне в руку небольшой, алый конвертик.

– Я твой должник! – он порывисто заключил меня в объятия, и вприпрыжку помчался в сторону столовой, оставляя за собой лёгкий, ароматный шлейф из ноток цитрусовых и ветивера.

– У тебя всё получится! – крикнула ему в след.

Дело в том, что к нам, в 11 «А» класс перевелась новенькая – Оксана Смирнова. Первого числа, после торжественной линейки, эта бойкая, светловолосая девица направлялась в учительскую с какой-то бумажкой в руках. Там-то на неё и налетел, по обыкновению погруженный в свои мысли, Тимофей. Столкновение обернулось её разодранной коленкой, разбитым телефоном и обидным для Тимки прозвищем «морковка». Само собой, варварски разгромленное средство связи парень потом возместил. И в школьный медпункт бранящуюся Оксану проводил. Вот только помилования он так и не получил. Смирнова старательно пренебрегала обществом «рассеянного нахала».

С того самого дня, моего угрюмого друга будто подменили. Первую неделю, он с мечтательным видом ловил каждое её слово. Ну а после развернул грандиозную операцию по завоеванию Оксаны. Так как самого Ершова девушка игнорировала, мне пришлось втереться к ней в доверие и исправно подкидывать Тимкины любовные послания. Естественно анонимные. Оксане такое внимание льстило, спустя две недели поэзии и пламенных признаний, девушка витала в облаках ничем не ниже самого Тимофея. Один лишь фактор омрачал возникшую идиллию – нормально ли отнесётся Смирнова к «морковке» в роли своего воздыхателя? Что ж, сегодня всё должно решиться.

Зайдя в кабинет литературы, где у нас должен пройти следующий урок, я с радостью отметила, что Оксана в одиночестве стоит у окна. То, что надо!

– Чего грустим? – я прислонилась к стене, так чтоб быть лицом к ней и заодно видеть всё помещение. Почти все одноклассники собрались в противоположной от нас стороне и галдели как растревоженный улей.

– Насть, я так больше не могу, – Смирнова, обволакивая сладким ароматом, наклонилась к моему уху. Я будто попала в розовый сад, душным летним днём, – мне нужно знать, кто это пишет!

– Что пишет? – Решила включить «дурочку».

– Пишет мне. Боже, как он пишет! – она покрылась румянцем и протянула мечтательным тоном – Он так-о-о-ой...

– Ну-ка, с этого места поподробнее, – изобразив любопытство, я поддалась вперёд. Осторожным движением, стала просовывать конвертик в карман Оксанкиной лёгкой курточки.

Девушка с энтузиазмом пересказывала мне лирические терзания своего поклонника. Я уже почти завершила свою миссию, когда почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд. Огляделась. Смотревшим оказался Рома. Вот невезуха! Он иронически приподнял тёмную бровь. Этот высокий, с широкими плечами и узкой талией брютет, несмотря на скверный

характер, стал объектом поклонения большинства старшеклассниц. Вот и в данный момент, девушки томно изучали его обновку – продетую в бровь вертикальную штангу с небольшими клинышками на концах. Равнодушно улыбаясь, Громов попросту тонул в потоке обожания окруживших его поклонниц. Я усмехнулась – наивные... Рома был эгоистом, он не хотел прощать и не умел любить. Бессердечное чудовище, которое за возмутительно красивым фасадом, притаилось в предвкушении очередной жертвы. И оно явно направляется в мою сторону.

– Оксанка, – я прервала свою собеседницу – мне отбежать нужно, извини.

– Шилова, стоять! – приказным тоном окрикнул меня Громов.

Его голос подстегнул меня не хуже удара кнутом. Виртуозно огибая парты, я пулей летела к выходу. Рома не устоит перед возможностью сдать меня со всеми потрохами! И бедный Тим останется без свидания. Исключительно из-за моей безалаберности.

– Стой, говорю! – Ромка нагнал меня у самой двери и решительно потащил в сторону от своих, миглом притихших фанаток, – Не хочешь разъяснить мне суть своих, крайне подозрительных манипуляций?

– С чего бы? – я как могла, тянула время, лихорадочно стараясь найти выход из щекотливого положения.

– Не каждый день наша серая мышка что-то замышляет, – надёжно удерживая мои запястья, парень взглядом прожигал во мне дыру, – это как минимум любопытно.

– Это как минимум не твоё дело! – возмутилась я, изо всех сил стараясь избежать его испытывающего взгляда. – Сгинь, нечисть!

– У тебя, Настенька, выбор невелик, – Рома самодовольно оскалился и продолжил ещё более вкрадчивым голосом – либо ты говоришь мне, либо Оксане. Тоже при мне, между прочим.

– Это всего лишь письмо! – меня решительно не устраивал его ультиматум. – Ничего особенного.

– «ВСЕГО ЛИШЬ письмо» тайком не подсовывают. – И, на этот раз громко, позвал – Оксанка!

– Тим попросил, оно от него! Не говори ей, – как на духу выпалила я – пожалуйста...

– Тогда с тебя желание.

– Я согласна!

– Ну, чего звал? – Оксана, интенсивно хлопая ресничками, смотрела на парня. Сто процентов, примеряя на него роль своего анонима.

– Будь другом, – Рома театрально взял её руку и вложил смятую купюру – стоняй за минералкой.

– Придурок! – вскинулась блондинка. Деньги полетели ему в лицо. Приятное зрелище!

– Так чего ты хочешь? – решила, что не будет лишним уточнить, на что же я дала согласие.

– Осенний бал, – он коварно сощурился – в этом году ты меня не продашь с танцем.

– Не помешаю? – Между нами втиснулся Тим, мой храбрый спаситель. Рома, явно нарочно толкнув его плечом, молча, вернулся к своей компании.

– Это сейчас был флирт?

– Издеваешься? – меня аж передёрнуло – Скорее сделка с дьяволом!

На уроке, классный руководитель, Дмитрий Васильевич объявил, что в пятницу утром наш класс выезжает в поход с ночёвкой. Мы должны были посетить историко-археологический комплекс «Старый Орхей» – одно из самых живописных мест нашей страны. На нашу удачу ехать туда всего 50 км. Новость была встречена радостными возгласами. Мысль о совместном пикнике на лоне осенней природы, никого не оставила равнодушным.

В приподнятом настроении я шла по коридору, наш с Ершовым план сработал идеально. Оксана обнаружила письмо, и пол урока радостно щебетала, о том, какое платье наденет на свидание. Тим будет в восторге.

– А ну-ка, иди сюда, лахудра лицемерная! – Ритка, та ещё «звезда», и, к великому несчастью, моя одноклассница больно вцепилась мне в волосы.

– Пошли, пошли. Воспитывать будем, – Света, Риткина подруга, картинно поклонившись, открыла перед нами дверь женского туалета.

Как только мы оказались внутри, в стороне от любопытных глаз, я получила пощёчину. Хлёсткую. Звонкую. Кожа горела, будто от ожога.

– Да что я вам сделала? – От нереальности происходящего реакция притупилась, я чувствовала, как в ушах бьется мой пульс, – За что?

– Строишь тут из себя наивную овечку, – шипела Рита, продолжая дёргать мои длинные пряди – думаешь этим Ромку зацепить? Да он с тобой на второй день от тоски завоюет!

– Сдался мне ваш Ромка! – я с возмущением оттолкнула, стоящую передо мной Свету и попыталась вырваться – Да забирайте, подавитесь! Больно он мне нужен!

– Дерзишь, значит? – ещё удар, из носа закапало что-то горячее. Наверное, кровь. – Надо бы проучить...

Под обидный Светкин смех, Рита резким движением дернула мои волосы вниз, я завалилась на бок. Грудь сдавило от страха и боли. В нос ударил резкий запах хлора.

– Рома не твоего полёта птичка, – Светкины лабутены мелькали на уровне моих глаз – лучше не лезь к нему, со своей невинной мордашкой. Целее будешь.

Трагикомизм сложившейся ситуации просто не укладывался в моей голове. Я стала участником разборки, вспыхнувшей из-за парня! Мало того, самого для меня ненавистного из всех возможных! Я хотела объясниться. Сказать, что это недоразумение. Что они всё не так поняли, но в этот момент мою руку пронзила дикая боль.

– Уясни хорошенько наш совет, – душевно наставляла меня Рита, в то время как её приятельница, наступив носком туфли на мою руку, со всей силой вдавливала её в грязную, мокрую плитку, – не отсвечивай рядом с Грозовым.

Кольцо, подаренное Кириллом, раскалённой дугой впивалось в палец. Словно этого было недостаточно, девушки нанесли мне ещё несколько ударов в живот. Ногами. Это оказалось большее, чем я себе представляла, намного хуже.

– Для более успешного усвоения информации! – противно смеясь, пояснила Рита.

Подружки, брезгливо кривясь, вымыли под краном руки и, наконец-то, ушли. Я, пошатываясь, поднялась с полу. С зеркала на меня глядело жалкое и лохматое существо. На скулах пятна от пощёчин, под носом кровь, огромные карие глаза покраснели от слёз и припухли. Умылась холодной водой, достала из рюкзака расчёску и привела в порядок волосы. Кожа головы при этом болела так, что казалось, отслаивается. Хороша цена, за любовь которой нет и в помине...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.